

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>

<http://vk.com/vounb>

e-mail: vounb@mail.ru

+7 (473) 255-05-91

ВОРОНЕЖСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

— ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ. —

23 ХЛДЯ.

№ 21

1910 ГОДА.

Прокопій Николаевичъ Щукинъ ¹⁾.

(Очеркъ его педагогической и критико-литературной дѣятельности).

Характеристика почтеннаго Прок. Никол., какъ педагога, была бы далеко не полна, если бы мы умолчали о заслугахъ его предъ обществомъ въ качествѣ литературнаго дѣятеля. Въ этой области онъ стяжалъ себѣ славу нѣкоторыми беллетристическими произведеніями и, главн. образомъ, научно-критическими статьями.

Каждый писатель, рисуя въ художественныхъ образахъ текущую мимо него жизнь, даетъ ей въ то же время то или иное толкованіе, вкладываетъ въ это изображеніе свою душу, сообщаетъ ей извѣстное освѣщеніе, соотвѣтственно своимъ идеаламъ. Въ этомъ отношеніи писатель является *учителемъ жизни, руководителемъ своихъ современниковъ*, помогающимъ разобратся въ мутномъ хаосѣ и суетлохъ об-

¹⁾ Окончаніе. См. № 20.

щественной жизни, въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ ¹⁾. Съ этой точки зрѣнія г. Шукинъ анализируетъ и всѣхъ нашихъ великихъ писателей—Гончарова, Григоровича, Достоевскаго и др.

Чтобы защитить Гончарова отъ тенденціозныхъ нападокъ критики, Пр. Н. Шукинъ указываетъ на полную объективность писателя, какъ на главную характеристическую черту его творчества, опредѣляющую всѣ его другія свойства. Гончаровъ далъ намъ цѣлую серію вѣрно и правдиво схваченныхъ и рельефно очерченныхъ художнической кистью цѣльныхъ типовъ чисто русскихъ людей. (Въ роман. Обломовъ и Обрывъ). Но являясь исторически вѣрнымъ изобразителемъ постепеннаго развитія своего общества, писатель въ тоже время даетъ своимъ наблюденіямъ нѣкоторое субъективное освѣщеніе, согласно своему идеалу. А идеаль Гончарова, поскольку онъ вытекаетъ изъ его произведеній, можно формулировать такъ: „Не мечтай о себѣ, какъ о великомъ чловѣкѣ, а покажи себя на дѣлѣ, стремись къ дѣятельности, не усни съ твоими природными дарованіями; если даже ты—женщина, то, стремясь къ семейному очагу, не чуждайся и дѣятельнаго служенія обществу“ ²⁾.

Задача беллетристики—отражать въ художественныхъ образахъ жизнь общества даннаго времени, его стремленія и идеалы, быть его разнообразныхъ слоевъ. Беллетристика—это документъ для изученія общественной жизни, документъ краснорѣчивый, съ яркими иллюстраціями ³⁾.

Истымъ и типичнѣйшимъ представителемъ эпохи сороковыхъ годовъ является „Отецъ мужицкой беллетристики“

¹⁾ Типы и идеалы современной русск. беллетристики В. и Р. 1904 г. т. I. стр. 101.

²⁾ «О значенія Гончарова въ истор. русск. литер.» Филолог. Зап. 1901 г. в. VI стр. 26—27.

³⁾ См. цитов. сочинен. «типъ и идеаль современ. русск. беллетр.», стр. 39—40.

и первый бытописатель простого народа Д. В. Григоровичъ. Во всѣхъ горячихъ спорахъ и статьяхъ того времени слышится одна доминирующая нота—желаніе добра народу, стремленіе осмыслить ходъ исторической жизни. Атмосфера, которой дышали люди 40-хъ годовъ, была пропитана гуманными взглядами, горячею любовью къ народу.

Этотъ основной тонъ эпохи, какъ нельзя лучше, отразился въ произведеніяхъ Григоровича. „Я помню „Деревню“, говоритъ великій сатирикъ Салтыковъ—Щедринъ, помню „Антонъ Горемыку, помню такъ живо, какъ будто все это совершилось вчера. Это былъ первый благотворный весенній дождь, первыя хорошія человѣческія слезы, и съ легкой руки Григоровича мысль о томъ, что существуетъ мужикъ-человѣкъ, прочно залегла и въ русской литературѣ, и въ русскомъ обществѣ“¹⁾.

Григоровичъ—писатель, не только типически изображающій наблюдаемыя явленія въ крестьянской жизни, но и представитель гуманныхъ убѣжденій, съ сердечною теплою относящійся къ своимъ маленькимъ героямъ. Въ своихъ произведеніяхъ онъ не разъ указывалъ на распаденіе и гибель семьи отъ вторженія въ нее фабричнаго вліянія, развращающимъ образомъ дѣйствующаго на простой, патріархальный бытъ крестьянъ. „Вся сила мужика и его нравственная крѣпость въ близости къ кормилицѣ землѣ, въ единеніи съ нею“—вотъ убѣжденіе писателя. Такая мысль, впервые иллюстрированная Григоровичемъ, сдѣлалась однимъ изъ любимѣйшихъ мотивовъ нашихъ писателей—народниковъ, кончая Глѣбомъ Успенскимъ²⁾. Съ первыхъ шаговъ литературной дѣятельности до конца ея Григоровичъ всегда старался подчеркнуть, что мужикъ такое же разумное суще-

¹⁾ Григоровичъ, какъ народный писат. Филолог. зап. 1900 г. в. VI стр. 12—13

²⁾ *ibid.*, стр. 14;

ство, чувствующее и страдающее, какъ и люди, поставленные въ болѣе благоприятныя условія жизни; что онъ часто и благороднѣе и чище этихъ людей; что темнота крестьянина должна возбуждать не отвращеніе къ нему, а чувство сожалѣнія и стремленіе внести въ эту темноту посильный свѣтъ. Поэтому имя Григоровича останется на всѣ времена памятнымъ въ исторіи развитія русскаго самосознанія, когда рѣчь пойдетъ о вліяніяхъ, подготовившихъ великое дѣло освобожденія русск. крестьянина отъ крѣпостной зависимости¹⁾.

Извѣстный французскій критикъ Вогюэ имѣлъ полное право сказать, что во всякомъ произведеніи русской литературы слышится Евангеліе. Это заставляло лучшихъ людей западной Европы чутко прислушиваться къ *проповѣди высокихъ нравственныхъ идеаловъ*, раздавшейся изъ Россіи, и въ ней искать опоры для противодѣйствія грубому натурализму, оказавшему плохую услугу въ выработкѣ общественнаго Европейскаго міросозерцанія²⁾.

На горячую проповѣдь такихъ глубокихъ и возвышенныхъ идей ушла вся жизнь нашего великаго національнаго писателя Ф. М. Достоевскаго. Послѣдній критически отнесся къ достоинству общественнаго идеала, выработаннаго Западной Европой. Никогда люди „никакою наукою и никакой выгодой не сумѣютъ безобидно раздѣлиться въ собственности своей и правахъ своихъ“. Можно развѣ только принудить ихъ къ этому. Но тогда такое единеніе людей должно привести къ безпощадному насилию. Человѣкъ почувствовалъ бы себя скотиною. Поняли бы люди, что нельзя любить своего ближняго, не жертвуя ему отъ труда своего, что счастье—*не въ счастьи, а лишь въ его достиженіи*. Съ

¹⁾ ibid. 1902 г., вып. I, стр. 92.

²⁾ См. «типъ и идеаль», стр. 118.

уничтоженіемъ въ человѣчествѣ вѣры въ безсмертіе въ немъ тотчасъ же изсякнетъ не только любовь, но и всякая живая сила, чтобы продолжать міровую жизнь. „Вѣрую въ свое безсмертіе человѣкъ постигаетъ всю разумную цѣль свою на землѣ“.

А сознаніе безцѣльности бытія подрываетъ у него подъ ногами почву и лишаетъ смысла его служеніе людскимъ интересамъ, угашаетъ въ немъ любовь къ человѣчеству. Таково громадное значеніе идеи безсмертія. На ней основывается и обязательность нравственного закона для человѣка.

А нравственный законъ—это важная сила, это искра Божія, глубоко заложенная въ душѣ человѣка. Только чуткость къ требованіямъ нравственного закона даетъ дѣятельности человѣка плодотворный характеръ. Эта чуткость сближаетъ человѣка со Христомъ и чистыми и высокими Евангельскими завѣтами. „Мыслять устроиться справедливо, но, отвергнувъ Христа, кончатъ тѣмъ, что зальютъ міръ кровью, ибо кровь вызываетъ кровь“,—говоритъ старецъ Зосима. Человѣкъ, по глубокому убѣжденію Достоевскаго, долженъ начать служить общественному идеалу не съ стремленія достигнуть его путемъ насилія, а съ *тяжелой и упорной работы надъ самимъ собою*. Съ проникновеніемъ этими чувствами начинается нравственный переворотъ человѣка. Въ разговорахъ и поученіяхъ Зосимы звучитъ убѣжденіе въ необходимости искренняго любовнаго отношенія къ людямъ, какъ начала, преобразующаго человѣческую жизнь. Улучшеніе жизни, по его убѣжденію, нужно начать съ самого себя. „Самъ будешь лучше—и среда будетъ лучше“, говоритъ онъ. Любовь—это великая сила, соединяющая людей другъ съ другомъ и Богомъ. Съ точки зрѣнія Достоевскаго нужно сначала, чтобы были братья—тогда само собою явится и братство. А это возможно только на почвѣ вѣры хри-

стіанскої; безъ нея, вмѣсто истиннаго братства, люди приходять къ грубому насилію *и крови* ¹⁾).

Церковь можетъ и должна соединить все человѣчество въ единый нравственный союзъ. Достоевскій съ точки зрѣнія славянофиловъ критикуетъ католичество и протестантство и доказываетъ, что только въ *православии* заключается идея Церкви, какъ всемірнаго и свободнаго единенія людей. Русскій народъ, несмотря на свою грубость, благодаря вліянію православной вѣры, сохранилъ лучшія и благороднѣйшія свойства сердца; онъ хранитъ въ себѣ залогъ братскаго всечеловѣческаго единенія; ему суждено быть глашатаемъ правды Христовой и привлеченія народовъ ко Христу. Все, что есть у нашихъ писателей, начиная съ Пушкина, вѣковѣчнаго и прекраснаго, по глубокому убѣжденію Достоевскаго, взято изъ народнаго идеала. Народъ далъ и самому Достоевскому основы для его міровоззрѣнія и матеріалъ для его положительныхъ типовъ. Вотъ почему великій писатель и призываетъ нашу интеллигенцію понять и прислушаться,

¹⁾ У Прок. Никол. есть замѣчательный разсказъ. «*Рождественская сказка*», въ основу котораго положены послѣднія слова автора: «Придите всѣ обездоленные и измученные ненавистью! Придите уставшіе въ борьбѣ. Придите и научитесь, что *общее благо достигается не насиліемъ, а любовью*.—Подуголодная толпа, возмущенная пиршествомъ и веселіемъ людей одного богатаго и красиваго дома и подстрекаемая агитаторами, произвела разгромъ этого дома: стекла были выбиты, съѣстные припасы на столѣ уничтожены, ограбленію толпы подверглись даже дамы, у которыхъ снимали украшенія, часы, серьги и пр. Но насиліе возбудило дурныя инстинкты другъ у друга; чувство злобы разгоралось и выразилось во взаимной жестокой дракѣ. Неудовлетворенная толпа хотѣла грабить еще одинъ домъ, но ей помѣшала чело-вѣкъ въ рубищѣ, который увѣрялъ, что только однимъ убѣжденіемъ можно достигнуть того, что богатые подылаютъ своими жизненными благами. Толпа послушалась этого «страннаго» чело-вѣка и уполномочила его перего-ворить объ этомъ съ хозяиномъ богатаго дома. Миссія его увѣнчалась пол-нымъ успѣхомъ. Толпа была приглашена въ домъ принять вмѣстѣ съ бога-тыми участіе въ трапезѣ. «Всѣмъ было хорошо и весело. Каждый чувствовалъ, что сердце его билось сильнѣе, душа расширялась. Все прежнее казалось ужаснымъ кошмаромъ». Христ. 1907 г. стр. 871.

чѣмъ жить простой народъ, оцѣнить его идеаль, бросить свои шатанія по Западной Европѣ за отыскиваніемъ соціальныхъ нормъ жизни и вернуться домой ¹⁾).

Но могутъ ли герои, лишенные вѣры и нравственныхъ принциповъ, признаваться идеальными искателями правды и устроителями личнаго и общественнаго счастья?

Для рѣшенія этого вопроса Прок. Никол. обращается къ современной беллетристикѣ и подробно анализируетъ творчество Л. Андреева, Чехова, Горькаго, Вересаева, В. Дмитриевой (Воронежск. писательн.), Золя и отчасти поэта-декадента Бальмонта.

Предъ нами 2 типа русской интеллигенціи—съ одной стороны человекъ (Керженцевъ въ раз. Л. Андр. „Мысль“), преклоняющійся единственно предъ своимъ „я“, съ сознаниемъ, что ему все позволено; съ другой—люди („Три сестры“ А. Чехова), чувствующие красоту другого—болѣе широкаго идеала, и задыхающіеся въ узкомъ эгоистическомъ существованіи. Жизнь тѣхъ и другихъ лишена смысла и того божественнаго внутренняго огня, который можетъ поставить человека выше окружающей его обстановки. А вотъ представители отдѣльныхъ профессій, гдѣ болѣе всего нужны люди самоотверженные и идеальные. Это врачи („Записки врача“ Вересаева), забывшіе о различіи между людьми и морскими свинками—и педагоги („Безъ Бога живого“ В. Дмитриевой), вытравившіе изъ своей души все чистое и идеальное. Да и дѣти—зерно будущаго, предметъ нашихъ радостныхъ ожиданій (Въ „туманѣ“ Л. Андреева) изображены глубоко уродливыми отпрысками, выросшими на нездоровой почвѣ, безъ ухода и моральнаго свѣта. Точно также и отъ учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (Л. Андр.— „Сергій Петровичъ“ и „Бездна“) вѣетъ эгоизмомъ и само-

¹⁾ Религіозные и общественные идеалы Ф. М. Достоевскаго. Христіанствъ 1908 г., № 9, стр. 78—95; № 10, стр. 279—292.

обожаемъ; жизнь, какъ упорный трудъ, какъ исполненіе долга предъ людьми и предъ Богомъ, закрыта для нихъ. Интеллигентное общество въ своемъ большинствѣ не только не отвергается отъ подобныхъ изображеній съ негодованіемъ, а, напротивъ, читаетъ ихъ на расхватъ, создавая необычайную популярность писателямъ.

И вотъ эта интеллигенція беретъ на себя большую и сложную задачу—просвѣщеніе мужика. У нынѣшнихъ беллетристовъ мужикъ сведенъ чуть-ли не на степень животнаго. Съ пренебреженіемъ относится къ нему Горькій, какъ къ существу трусливому и эгоистическому, ставя выше мужика отребье городской жизни—босяковъ („Челкашъ“). Эта жизнь у Чехова наполнена „крикомъ, голодомъ, смрадомъ, угаромъ“.

Наше время—время господства принциповъ экономическаго матеріализма. Истины, провозглашенныя Евангеліемъ, что цѣлью жизни должно быть сознательное стремленіе къ водворенію на землѣ Царства Божія и правды Его; какъ бы исчезли изъ сознанія современнаго человѣка.

Эти истины замѣнены формулой еврея Маркса, что „способомъ производства матеріальной жизни обусловливается социальный, политическій и духовный процессъ жизни“. Въ эпоху господства такихъ принциповъ единственнымъ средствомъ для борьбы съ социальнымъ зломъ выставляется *насилие* (романъ Э. Золя „Углекопы“). Но мы уже видѣли, что кровь вызываетъ непримиримую вражду, а не смягчаетъ души и не можетъ привить человѣку сознанія братства, внутренняго чувства благоговѣнія къ людямъ. Создается трагическое положеніе. Европейская культура, приведши къ страстной борьбѣ за существованіе, лишаетъ большинство своихъ поклонниковъ нормальныхъ условій жизни, заключаетъ ихъ въ антигигиеническую обстановку большихъ городовъ, изсушаетъ ихъ непосильнымъ трудомъ и сокращаетъ

ихъ жизнь¹⁾. Но этого мало. Лишивши многихъ хлѣба, наша культура въ современномъ ея видѣ отняла у человѣка нѣчто болѣе цѣнное; она опустошила душу человѣка, вытравивъ изъ нея завѣтнѣйшія вѣрованія и идеалы.

Въ настоящее время замѣчается страшное паденіе идеализма въ жизни, исключительная погоня за матеріальными благами. Можетъ ли быть выходъ изъ такого положенія? Отвѣтъ находимъ въ христіанствѣ, которое говоритъ: если ты желаешь блага обществу, то сначала перевоспитаи самого себя и тогда только явишься устройтеlemъ этого блага, тогда весь общественный организмъ будетъ здоровъ и годенъ къ дѣйствительному, прочному и широкому прогрессу.

Конечно, большая заслуга вышеупомянутыхъ писателей, что они сумѣли затронуть, пробудить заснувшее въ пошлости жизни сознаніе. Но этого мало. Нужно его заставить идти по другой дорогѣ, дать ему какой-нибудь идеаль, который бы освѣтилъ дорогу впередъ, указалъ бы, какъ выйти изъ того сѣраго прозябанія, въ которомъ мучится современный интеллигентъ. Но А. Чеховъ такихъ идеаловъ не даетъ.

¹⁾ У Прокон. Никол. есть прекрасный святочный набросокъ «Разю-отля». Деревенскій мальчикъ Васятка (15 л.), бойкій, смѣшленный, отлично учившійся въ школѣ (1-мѣ), лишился отца (на шахтѣ) и, какъ единственный кормилецъ (брата взяли на войну, осталась мать съ бабушкой да сестра, которой пришлось работать на кирпичномъ заводѣ), принужденъ былъ ѣхать въ городъ и заняться извоннымъ промысломъ. Его всюду преслѣдуютъ неудачи; онъ постоянно слышитъ грубые окрики сѣдоковъ, получаетъ даже подзатыльники, денегъ ему не доплачиваютъ. Изъ всего этого мальчикъ выноситъ отталкивающее впечатлѣніе о городской жизни, гдѣ даже не по-деревенски встрѣчаютъ большой праздникъ Рождес. Христ. Набросокъ состоитъ изъ художественныхъ параллелей между свѣтлыми деревенскими воспоминаніями, окружавшими беззаботное дѣтство Васятки, и тѣми неприглядными условіями городской жизни, въ которыя мальчикъ былъ поставленъ силою обстоятельствъ. Голодный Васятка все время дожидался Рождественск. утра, чтобы разговѣться у крестнаго отца; но не суждено было ему. Въ одну изъ стоянокъ мальчикъ предался своимъ воспоминаніямъ и морозъ зажалъ его въ свои объятія. Идея—бѣдота заставляетъ даже несовершеннолѣтнихъ дѣтей работать въ городѣ, гдѣ они не могутъ выносить развращающаго вліянія обстановки. Христ. 1907 г. № 12, стр. 839—848.

Не бодрость, не вѣру въ торжество добра вкушаетъ общее содержаніе послѣднихъ произведеній Чехова, а уныніе и разочарованіе въ жизни.

И *М. Горькій* культъ силы и свободы отъ всякихъ моральныхъ и общественныхъ нормъ ставить вмѣсто всего, чѣмъ ранѣе жило человѣчество, что оно цѣлыхъ два тысячелѣтія считало незбылемымъ, какъ вѣковѣчное и святое. Да и у *Андреева* за самымъ безопаснымъ и грубымъ реализмомъ рѣшительно не видно никакихъ положительныхъ воззрѣній автора, сдѣлавшаго какъ бы своею специальностью рисованіе самыхъ рискованныхъ, самыхъ безнравственныхъ и грязныхъ моментовъ пробужденія въ человѣкѣ низшихъ животныхъ инстинктовъ („Б-здна“, въ „Туманъ“).

Но прежніе наши великіе писатели не искали „*новыхъ путей*“; они неизмѣнно обращались за своими идеалами къ однимъ и тѣмъ же началамъ, къ вѣковѣчнымъ и непреложнымъ нравственнымъ истинамъ, которыя возвѣщены Евангеліемъ для всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ. Создавая такіе типы, какъ „Лиза“ (Тургенева), „Наташа“ и кн. „Марія Болконская“ (Л. Толстого—когда тенденціозность не пересиливала еще въ немъ художника), „Алеша“ и старецъ Зосима (Достоевск.), эти писатели обращались къ типичнѣйшимъ свойствамъ русской народной души, которой присуще исканіе правды Божіей на землѣ, стремленіе жить по Божіи.

Послѣднее слово, говор. Прок. Ник., русскими писателями еще не сказано. Оно впереди. Но то, что въ нихъ есть болѣе живого и бодрящаго душу, заставляетъ Прок. Никол. вѣрить, что придетъ время, когда русскіе писатели, услышавъ въ себѣ голосъ Бога, обращенный къ его сознанию о путяхъ творчества, не найдетъ иного отвѣта, кромѣ одного. Господи, къ кому намъ итти? Ты имѣешь глаголь вѣчной жизни (Іоанна 6, 68) ¹⁾.

¹⁾ См. типы и идеалы современн. русск. беллетрист. Вѣра и Разумъ 1904 г., т. I, ч. I.

Остается еще намъ сказать нѣсколько словъ о недавно выпущенной редакціею Филологич. Записокъ брошюрѣ Пр. Ник. Щукина: „А. П. Сребрянскій (біогр. очеркъ, поэма, письмо, Ворон. 1910 г.).—Въ обстоятельномъ и оч. интересномъ изслѣдованіи авторъ старается доказать, вопреки увѣреніямъ многихъ біографовъ, о разнообразномъ и глубоко благотворномъ вліяніи семинариста Сребрянскаго на нашего Воронежск. поэта А. В. Кольцова. Основные тезисы этой брошюры слѣдующіе:

1) Хотя Сребрянскій не былъ вдохновеннымъ поэтомъ, но риемою и размѣромъ стиха онъ, во всякомъ случаѣ, владѣлъ легко, а главное онъ обладалъ глубокимъ художественнымъ чутьемъ и потому могъ быть высшимъ судьей и исправителемъ произведеній А. В. Кольцова.

2) Вліяніе Сребрянскаго распространялось и на содержаніе стихотвореній Кольцова („Думы“ Кольцова, имѣющ. религіозную основу).

3) Мысли и чувства, высказываемыя въ думахъ Кольцова, таковы, что источникомъ вдохновенія для нихъ мы съ большимъ правомъ должны искать *въ связи его съ семинарскимъ кружкомъ*, чѣмъ кружкомъ Станкевича, на каковой указываютъ нѣкоторые біографы Кольцова.

4) Скромный семинаристъ Сребрянскій, самъ стоявшій, какъ сынъ сельскаго священника, близко къ природѣ и къ народному быту, могъ быть и чуткимъ цѣнителемъ и надежнымъ редакторомъ произведеній полуграмотнаго, но талантливаго поэта.

Настоящая работа тѣмъ цѣннѣе, что главный матеріалъ для характеристики отношеній между Кольцовымъ и Сребрянскимъ (переписка Кольцова съ Сребрянскимъ) исчезъ безвозвратно.

Въ этой брошюрѣ Прокоп. Никол. сообщаетъ новыя

и интересныя данныя, подтверждающія сотрудничество Сребрянскаго въ литературной дѣятельности Кольцова. Мы имѣемъ въ виду *письмо Сребрянскаго къ брату*, найденное у В. Г. Веселовскаго во время подготовленія къ Кольцовской выставкѣ въ Воронежѣ. Этимъ письмомъ, по мнѣнію Пр. Н. Щукина, окончательно *устанавливается принадлежность стихотворенія «Молитва» не Кольцову, а Сребрянскому*¹⁾. Вместе съ тѣмъ приобретаютъ характеръ достовѣрности свѣдѣнія и относительно двухъ другихъ думъ: „Великая истина (въ собр. сочин. Кольц. — слово) и Божій міръ“. — Наконецъ, Прок. Пик. издалъ новый списокъ поэмы „Предчувствіе вѣчности или восторгъ души при наступленіи весны. Соч. студ. философіи Андр. Сребрянск. Ворон. 1830 г.“. Съ этимъ связаны данныя, опять подтверждающія убѣжденіе г. Щукина въ большомъ и непосредственномъ *вліяніи Сребрянскаго на творчество Кольцова*²⁾.

Ив. Козловъ.

1910 г. 1 мая
гор. Воронежъ.

1) Между тѣмъ во всѣхъ изданіяхъ собранія сочинен. Кольцова это стихотвореніе считается принадлежащимъ «поэту-прасолу».

2) Рукопись эту нашелъ воспитанникъ нашей Семинаріи V кл. Новиковъ. Она была случайно имъ обнаружена въ сундукѣ съ книгами, оставшемся отъ умершей просфорни М. А. Яковлевой въ домѣ, купленномъ у нея матерью Новикова въ слоб. Писаревкѣ, Богучарскаго уѣзда. Тамъ же еще была кѣпа дешевой почтовой бумаги, мелко исписанныхъ выцветшими уже чернилами, связанныхъ тонкою бичевкою. Снявши бичевку, воспитанникъ прочиталъ на обложкѣ: «*стихотворенія Кольцова, исправленныя Сребрянскимъ*». См. подробно объ этомъ въ брошюрѣ П. Н. Щукина, стр. 15.

О крестахъ житейскихъ.

(Произнесено въ залѣ братства свв. Митрофана и Тихона 21 марта 1910 года).

Кресту Твоему поклоняемся, Владыко!

Поклоняемся Кресту Господню, цѣлуемъ изображеніе креста, слушали сегодня въ церкви пѣснопѣнія, въ которыхъ воспоминается о крестныхъ страданіяхъ Спасителя. Видимъ и слушаемъ, но размышляемъ ли? Сознаемъ ли ясно, представляемъ ли себѣ живо, что такое крестныя страданія Его? Очень часто не задумываемся надъ этимъ; представленіе объ этомъ не проникаетъ въ глубь нашего сознанія. Если бы глубина нашего сознанія озарилась этой мыслию, дрогнуло бы наше сердце, и мы испытали бы самое живое чувство и умиленія, и удивленія, и восторга!

Вдумайтесь, какія это ужасныя муки, какая это страшная смерть — смерть крестная. Кто же терпѣлъ эти страданія? Кто подвергся этой смерти? Можетъ быть, великій грѣшникъ, который этими страданіями понесъ наказаніе за свои преступленія? О, нѣтъ! Это праведникъ и святой, это высшее воплощеніе правды Божіей и любви, это тотъ, кто не зналъ своей воли, а творилъ только волю Отца Небеснаго; это тотъ, кто даже для своихъ мучителей нашелъ только слова и чувства любви и всепрощенія.

Да и однѣ ли эти предсмертныя муки крестныя пришлось Ему перенести. Вся жизнь Его была сплошнымъ крестомъ. Гоненія, ненависть, издѣвательства встрѣчалъ Онъ безпрерывно. Къ своимъ пришелъ, и свои Его не приняли. Онъ былъ одинокъ среди людей; Его не понимали. Онъ не зналъ радости полного пониманія и глубокаго сочувствія. Правда, нашлись люди, которые оставили все и пошли за Нимъ, но и эти люди далеко не понимали всей глубины его ученія, не понимали, какимъ духомъ проникнуто это ученіе.

Они просили низвести съ неба огонь на тѣхъ, кто имъ не угодилъ, и не понимали, что все ученіе Наставника проникнуто безграничной любовью. Они мечтали, кто изъ нихъ займетъ первое мѣсто въ будущемъ царствѣ, и не понимали, что, по ученію ихъ Наставника, выше всѣхъ тотъ, кто умѣетъ быть всѣмъ слугою. Они ждали торжественной побѣды ихъ Учителя надъ врагами и будущей царской пышности новаго Божія царства, и не понимали, никакъ понять не могли, что царствіе небесное внутри насъ есть.

И это непониманіе, это одиночество закончилось бессмысленнымъ предательствомъ одного изъ тѣхъ, кого Онъ такъ любилъ. Оно кончилось сномъ апостоловъ въ то время, когда вся душа Его страдала, и малодушнымъ ихъ бѣгствомъ, когда Имъ овладѣли руки враговъ Его.

Думаете ли когда-нибудь объ этомъ? представляете ли себѣ когда-нибудь эту картину жизни и смерти Всеблагого и Всесовершеннаго вы, считающіе себя несчастными и обиженными Богомъ и судьбой? Пусть повнимательнѣе подумаетъ объ этомъ тотъ, кто смущается и ропщетъ, кто жалуется, что жизнь его невыносима, что она состоитъ изъ страданій и скорбей.

Подумай, страдалецъ, какія у тебя права? Какія права должны избавить тебя отъ страданій, когда и самъ Иисусъ Христосъ страдалъ. Ты говоришь, что не заслужилъ страданій. Правда ли, что не заслужилъ? Допустимъ даже, что не заслужилъ, а Онъ, висящій на крестѣ, заслужилъ ихъ? Безвинный и Святой виситъ на крестѣ и терпитъ ужасныя муки тѣлесныя и душевныя... Помни это и стыдись своего малодушія и ропота.

Если Онъ несетъ крестъ, кто изъ насъ осмѣлится требовать избавленіе отъ креста? И въ мірѣ много крестовъ, и несутъ ихъ люди, желаютъ ли они этого, или не желаютъ. Высшая Воля, управляющая міромъ, знаетъ, что эти

кресты нужны, и даетъ ихъ. А мы не знаемъ этого и ропщемъ. Мы какъ будто смотримъ изъ окна своей комнаты на проливной дождь на улицѣ; видимъ, какъ земля превращается въ топкую грязь, по которой намъ трудно ходить, и ропщемъ на дождь. Но взглянемъ на окружающее насъ съ болѣе широкой точки зрѣнія.

Выйдемъ изъ комнаты, поднимемся на высоту, откуда видны зеленѣющія поля, благовоиные цвѣты, пышная растительность. Это все отъ дождя; если бы не было дождя, былъ бы не пышный расцвѣтъ природы, а увяданіе и уныніе. Пока мы смотрѣли изъ нашего узкаго и низкаго окна, мы видѣли только грязь и неудобства; когда мы взошли на высоту, передъ нами открылась красота природы.

Пока мы смотримъ на свои страданія глазами своего ограниченнаго и близорукаго ума, мы возмущаемся, и негодуемъ, и жалуемся; если бы мы посмотрѣли глазами разума Божія, увидѣли бы, для чего нужны эти страданія, къ чему они ведутъ. Мы увидѣли бы, что они ведутъ къ великому добру и счастью.

Отецъ нашъ видитъ и знаетъ, куда насъ ведетъ, а мы не видимъ. Слепой не видитъ, куда идетъ; отчего ему не положиться на своего вожака, который видитъ и знаетъ дорогу? Отчего намъ слѣпымъ и глухимъ не положиться на нашего Отца, который знаетъ и видитъ, куда насъ ведетъ.

Была минута смущенія и у самого Иисуса Христа. Когда въ Геосиманскомъ саду душа его терзалась и мучилась, и капли пота, подобныя крови, текли съ Его лица, Онъ произнесъ слова: „Отче, если можно, пусть пройдетъ мимо меня эта чаша“. Но это была минута. Бодрый духъ восторжествовалъ надъ человѣческой слабостью. „Какъ мнѣ не пить чашу страданій, если ее приготовилъ самъ Отецъ? Нѣтъ, пусть будетъ *твоя* воля!“

Приучись, скорбящая душа, произносить эти слова изъ

глубины ума и сердца, и ты увидишь, какъ облегчатся твои скорби, и какъ уврачуются твои язвы. Мнѣ тяжело; обступили меня несчастія; не вижу надежды, не вижу облегченія въ будущемъ. Но, вѣдь, ты же, Отецъ, смотришь на меня; вѣдь, безъ твоей воли волосъ съ головы не упадетъ, Итакъ, тебѣ лучше извѣстно, что мнѣ нужно. Но ты Благодѣтель, ты Любовь; и то, что мнѣ кажется зломъ, это добро, которое мнѣ не видно, а тебѣ видно. Да будетъ же воля твоя!

Она, эта воля, и безъ нашихъ просьбъ вездѣ совершается и управляетъ міромъ; ничто не можетъ помѣшать ея неуклонному ходу. Но пусть она будетъ какъ на небѣ, такъ и на землѣ, въ душахъ нашихъ. Пусть душа наша признаетъ эту волю закономъ жизни и безъ колебаній, безъ раздумываній подчинится этой волѣ. Отложи заботы, томленіе, безпокойство. Довѣрчиво отдайся отцу. Да будетъ воля твоя яко на небеси, и на земли!

Въ мірѣ скорбни будете, но не бойтесь: я побѣдилъ міръ. Какъ, чѣмъ онъ побѣдилъ міръ? Онъ побѣдилъ міръ съ его печалями и напастьми своею покорностью волѣ Отца. Онъ побѣдилъ міръ и насъ приглашаетъ не бояться міра, потому что онъ далъ намъ оружіе для борьбы съ напастьми міра. Это оружіе—Его примѣръ, т. е. безусловное послушаніе, повиновеніе волѣ Божіей. Если у насъ есть это оружіе, міръ намъ не страшенъ, намъ не страшны всѣ бѣды и напасти и страданія, какъ бы ни были они велики и многочисленны. Покорность волѣ Божіей дѣлаетъ для насъ самыя великія горести легкими и благими. Иго мое благо, бремя мое легко!

Иго мое благо, бремя мое легко, говоритъ Спаситель, а между тѣмъ Онъ не скрываетъ отъ своихъ учениковъ, что имъ предстоятъ и гоненія, и страданія, и многія напасти. Какъ же сдѣлать это бремя напастей благимъ и лег-

кимъ? А вотъ какъ: кто хочетъ за Мной идти, пусть отвергнется себя, возьметъ свой крестъ и за Мной идетъ.

Отвергнуться себя это не значить мучить себя, доставлять себѣ намеренныя неприятности; отвергнуться себя это значить отвергнуться отъ своего я, отъ своего самолюбія, отъ своей воли. Надо перестать думать о своихъ интересахъ, о своихъ желаніяхъ, которыя доставляютъ намъ столько безпокойства, волненій, столько скорбныхъ дней и бессонныхъ ночей. Всѣ эти заботы, а съ ними и свою волю надо отбросить, какъ съ тонущаго корабля сбрасываютъ лишній грузъ, а то этотъ грузъ потопитъ корабль. Такъ и наше своеволие, стремленіе къ своимъ выгодамъ, къ удовлетворенію своихъ желаній и страстей можетъ довести насъ до гибели.

Отвергнувшись себя, надо взять крестъ свой. У насъ никто не спрашиваетъ, желаемъ мы этого креста или нѣтъ; онъ дается намъ, потому что онъ нуженъ, необходимъ для насъ, и только мы часто въ своей слѣпотѣ не видимъ его необходимости. Итакъ, крестъ нашъ дается намъ даже и помимо нашего желанія. Но надо взять этотъ крестъ; надо взять его добровольно, не роптать на него и на Того, кто даетъ этотъ крестъ. Надо помнить, что крестъ этотъ благо, добро, что онъ нуженъ, необходимъ для насъ, и что только нашъ ограниченный умъ не понимаетъ, для чего онъ нуженъ.

Ты бѣденъ, нуждаешься въ самомъ необходимомъ. Подожди роптать: можетъ быть, богатство тебѣ и не нужно. Можетъ быть, оно погубило бы и тѣло твое и душу. Можетъ быть, оно погрузило бы тебя въ самую глубину страстной, скотской жизни и совсѣмъ заставило бы тебя забыть про свою душу. Покорись волѣ Божіей, и не думай, что деньги—это самое важное для тебя. Посмотри внимательно вокругъ: можетъ быть, увидишь, что и безъ денегъ

у тебя есть блага, есть возможность не унывать и испытывать наслаждение жизнью.

Ты несчастливъ въ семейной жизни; тебя не понимаютъ и не любятъ твои близкіе, невѣрно истолковываютъ твои побужденія. Ты, воспитавши своихъ дѣтей, брошенъ ими; они тебя не любятъ. Подожди роптать. Значитъ, это нужно и Богу и тебѣ; можетъ быть, ты и самъ послѣ поименъ, для чего это нужно. Подумай еще вотъ о чемъ: въ мірѣ существуетъ великій и постоянный законъ: какую мѣрою мѣрите, такую и вамъ отвѣрятъ. Что посеешь, то и пожнешь. Можетъ быть, ты самъ виноватъ, что не умѣлъ или не хотѣлъ воспитать своихъ дѣтей, какъ слѣдуетъ, внушить имъ здравые, христіанскіе взгляды. А можетъ быть, причина твоего несчастія лежитъ и дальше. Вспомни, какъ ты обращался съ своими родителями. Если ты обращался съ ними дурно, долженъ же ты получить за это возмездіе. Да, законъ возмщенія всегда дѣйствуетъ въ мірѣ. Любовь возбуждаетъ любовь, и ненависть возбуждаетъ ненависть.

Человѣкъ умеръ въ молодыхъ годахъ, не успѣлъ пожить. Но можетъ быть, это и лучше для него; можетъ быть онъ утратилъ бы свои достоинства, привлекательныя свойства своей души; можетъ быть, злоба измѣнила бы разумъ его, или похоть прельстила бы душу его...

Какія бы горести ни постигали тебя, помни, что или ты заслужилъ ихъ и возносишь плату за свои собственные поступки, или же эти горести еще для чего-нибудь нужны Богу. Помни только, что Богъ безконечно благъ и не можетъ дѣлать зла, а что кажется зломъ, кажется имъ только потому, что разумъ нашъ ограниченъ и ослѣпленъ.

Отвергнувшись себя и взявши крестъ свой, надо идти за Иисусомъ Христомъ. Надо постоянно имѣть передъ глазами и примѣръ Его, Его свѣтлую и святую жизнь, и уче-

ніе его, этотъ источникъ великой мудрости и постоянного утѣшенія.

Вотъ единственный истинный путь, который проведетъ насъ черезъ всѣ горести, сдѣлаетъ ихъ легкими и приведетъ насъ къ неизреченному покою и счастью, которое и во снѣ намъ не снилось. Отвергнись себя, возьми крестъ свой и иди за мной.

За днями страстной седмицы слѣдуетъ день свѣтлаго воскресенія. И отъ насъ самихъ зависитъ, чтобы и въ нашей душѣ послѣ страданій, горестей и бѣдъ, послѣ мрака и унынія заблестала животворный свѣтъ воскресенія. Христосъ воскреснетъ и въ нашей душѣ. Но онъ можетъ воскреснуть только въ той душѣ, которая не отвергла своего креста, прошла крестнымъ путемъ. Безъ креста нѣтъ и воскресенія. *Кресту* твоему поклоняемся, Владыко, и святое *воскресеніе* твое славимъ!

Александръ Гаддеевъ.

Недѣля въ Петербургѣ ¹⁾.

(Впечатлѣнія и думы наблюдателя).

4—5 мая. Усиленные работы съѣзда и въ общихъ собраніяхъ, и въ комиссіяхъ. Вопросовъ назрѣло такъ много, и каждый участникъ съ мѣста привезъ такъ много „ума холодныхъ размышлений и сердца горестныхъ замѣтъ“, что кажется невозможнымъ одолѣть эту работу въ 4—5 дней. Но работаютъ съ 10 часовъ утра до 3 часовъ и съ 6 до 11 часовъ ночи. Одна бѣда для всѣхъ: невозможно принять участіе во всѣхъ комиссіяхъ. Что мнѣ важнѣе: дальнѣйшее ли планомерное участіе церковныхъ школъ въ дѣлѣ всеобщаго

¹⁾ Окончаніе. См. № 20.

обученія, усиленіе ли воспитательнаго вліянія Закона Божія, усиленіе ли средствъ церковныхъ школъ, привлеченіе ли къ нимъ вниманія общества, или ихъ практическое направленіе? Все очень важно и для всего этого хотѣлось бы поработать. Такъ разсуждалъ каждый участникъ съезда. Но по-неволѣ приходилось ограничиться 1—2 комиссіями изъ 6, а по остальнымъ вопросамъ принимать участіе только въ общихъ собраніяхъ.

Въ эти дни не особенно тяжелы были выходки газетъ противъ церковныхъ школъ. Чувствовалось въ нихъ бессильная злоба, желаніе уязвить, безъ надежды нанести существенный вредъ. Для духовныхъ лицъ, работающихъ и не работающихъ въ церковныхъ школахъ, слѣдуетъ отмѣтить одну такую статью, въ № 12264 Новаго Времени (за 5 мая).

Авторъ утверждаетъ, что конфессіональная школа имѣетъ право на существованіе тамъ, гдѣ начальное образованіе уже удовлетворило первоначальнымъ экономическимъ запросамъ населенія. „Это именно *цвѣтъ, верхушка*“. „Приходскія“ и „церковныя“ школы естественны и плодотворны въ Англіи и Германіи, гдѣ, даже помимо школы, пасторъ есть средоточіе культурнаго свѣта, теоретическаго свѣта для цѣлой округи. „Пасторъ“ на западѣ морально соединяетъ качества трехъ нашихъ служебныхъ лицъ: проповѣдника, врача, судьи и наставника. Онъ не только всегда и безусловно есть наставникъ, но, по уставу, онъ обязанъ умѣть производить легчайшія операціи. Ничего подобнаго нѣтъ, и *традиціонно* нѣтъ, у насъ. Нашъ священникъ традиціонно есть совершитель божественной службы и исполнитель требъ. Учительская функція выпала на его долю вновь и неожиданно. А между тѣмъ она требуетъ вѣкового привыканія, вѣкового приспособленія къ себѣ ума, способностей и вниманія. Ничего этого пока нѣтъ. Церковно-приходская школа есть слабая школа. И на Западѣ она является такъ сказать

высшимъ доскомъ школьнаго дѣла, нѣжною бархатистостью на старой культурѣ страны, — *послѣ того* уже, какъ всѣ элементарныя, грубыя и безотлагательныя нужды населенія выдолбены типами другихъ элементарныхъ школъ, по преимуществу практическихъ дѣловыхъ, ремесленныхъ и реальныхъ“. Утверждая, что русскій народъ твердъ въ своей вѣрѣ и что „никакой *торопливости* укрѣплять и расширять эту сторону его души — нѣтъ“, авторъ отрицаетъ нужду въ церковной школѣ, а о существующей школѣ говоритъ, что это есть „страшно вялая школа, мало жизненная, пассивная, лѣнивая школа“.

Иныя опроверженія лучше доказательствъ. Таковы памятные мнѣ статьи о.о. Павлинова и Шрамкова. Такова и эта статья.

По существу она доказываетъ законность и нужду въ церковной школѣ для христіанской страны, но говоритъ, что сейчасъ съ ней не надо торопиться, такъ какъ нашъ народъ еще твердъ въ вѣрѣ, а духовенство не приготовилось вести церковную школу. Намъ, живущимъ въ провинціи, виднѣе, чѣмъ столичному автору, что народная вѣра настоятельно требуетъ укрѣпленія, и если не все духовенство готово къ этому, то слѣдуетъ торопиться къ этой готовности. Замѣчательно, что авторъ, возведши огульное обвиненіе на все русское духовенство въ вялости и лѣни относительно школьной работы, кончаетъ свою статью не отрицаніемъ ея самостоятельности, не передачею ея въ другое вѣдомство, а признаніемъ ея настоящаго подчиненія Св. Синоду, но подъ *педагогическимъ* контролемъ земства и министерства. Это тоже странная претензія, но это совсѣмъ не то, что передача школъ въ распоряженіе земства и министерства. Комиссія по народному образованію при Государственной Думѣ въ своемъ заключеніи о передачѣ школъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія выходила изъ другихъ основаній. Она „не станови-

лась на почву разрѣшенія вопроса о преимуществахъ школы общественной предъ духовной и не отрицала заслугъ церковной школы въ дѣлѣ начального образования“ (Докладъ комиссіи, стр. 137), а разсуждала о вредѣ соперничества двухъ типовъ школъ, о невыгодности содержанія двойной инспекціи и о нѣкоторыхъ недостаткахъ церковно-школьнаго управленія.

Все это мотивы даже при ихъ полной основательности, легко устранимые путемъ преобразованій. Однако здѣсь, въ постановленіи думской комиссіи, есть попытка стать на путь практической.

Но когда авторъ признаетъ законность церковной школы и полное право ея на существованіе въ христіанской странѣ, и отказываетъ въ этомъ только православной Россіи, тогда останавливаешься въ полномъ недоумѣніи надъ его разсужденіями.

Насколько жъ выше подобныхъ разсужденій стоятъ лица, рѣшающія вопросъ съ точки зрѣнія права Церкви на учительство! Намъ роздали „Заключеніе думской комиссіи по дѣламъ Православной Церкви“ по выработанному комиссіей по народному образованію законопроектъ о передачѣ церковныхъ школъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія. Не могу не привести здѣсь хотя самыхъ существенныхъ положеній этого замѣчательнаго доклада.

„Божественный Основатель христіанской Церкви обращенными къ апостоламъ словами: „Шедше научите все языки“ заповѣдалъ своей церкви *учительство* христіанское. Съ тѣхъ поръ и до сего дня учительство всегда было, есть и будетъ не только неотъемлемымъ правомъ, но и священною обязанностью Церкви (VII Всел. соб. Прав. 10). Исходя изъ этого, какъ изъ основнаго начала, долженствующаго лежать въ основаніи всякихъ сужденій о церковныхъ школахъ какого бы то ни было типа, комиссія по дѣламъ Пра-

вославної Церкви, прежде всего, единогласно признала, что *Церковь имѣтъ право обученія въ предѣлахъ, вытекающихъ изъ существа ея церковной дѣятельности*. Въ существо сей дѣятельности входитъ наставленіе вѣрующихъ во всякомъ возрастѣ, прежде всего въ дѣтскомъ, въ началахъ вѣры и нравственности. Главнымъ изъ путей къ осуществленію этого права является право Церкви имѣть собственные начальные школы, находящіяся въ тѣсной связи съ самою Церковью. Всякая попытка какъ-либо ограничить право Церкви въ этой области, лишить ее возможности осуществлять свое право учительства, ослаблять ея силы, отнимать средства, изъ коихъ главное есть, конечно, обученіе подрастающаго поколѣнія въ церковной школѣ, есть несомнѣнное посягательство не только на права Церкви, но и на ея свободу и самое существо. Подобныя попытки неизбежно должны встрѣтить со стороны Церкви самый рѣшительный отпоръ. Къ числу такого рода неприемлемыхъ для Церкви посягательствъ на ограниченіе ея права учительства относится и предположеніе о соединеніи школы церковно-приходской со свѣтскою въ одномъ, чуждомъ Церкви, вѣдомствѣ. (стр. 5—6.) „Если предположеніе объ объединеніи церковно-приходскихъ школъ въ вѣдомствѣ М. Н. Пр. неприемлемо для Церкви съ точки зрѣнія основоположной, то точно также неприемлемо оно и съ точки зрѣнія правовой.

Церковная школа составляетъ неотъемлемое достояніе Церкви; ея учрежденіе, ея бытъ устанавливаются церковью. Соответственно съ симъ церковно-приходскія школы составляютъ часть *управленія церковнаго*.

При такихъ условіяхъ проведеніе вопроса объ изыятіи изъ Вѣдомства Православнаго Исповѣданія церковно-приходскихъ школъ являлось бы несомнѣннымъ *отторженіемъ отъ Церкви одной изъ важнѣйшихъ отраслей ея упра-*

вленія, самая возможность чего болѣе, чѣмъ сомнительна“ (стр. 11—12).

Этотъ голосъ, достойный истинныхъ сыновъ Церкви и гражданъ русскаго Православнаго Государства, раздался вскорѣ послѣ опредѣленія Св. Синода о неприемлемости думскаго предположенія о передачѣ церковныхъ школъ и открытаго письма думскаго духовенства по тому же вопросу. Комиссія по дѣламъ Православной Церкви столь же внушительно сказала свое „non possumus“, какъ и Св. Синодъ, какъ и думское духовенство. „Духovenство не можетъ отказать отъ церковной школы, созданной его неизмѣрными усиліями и являющейся его достояніемъ. Оно не въ правѣ уклониться отъ своей обязанности, налагаемой на него исторической миссіей. Оно не смѣетъ идти противъ главнаго своего долга—поучать истинамъ вѣры, что духовенство лучше и полнѣе осуществить въ школахъ, гдѣ пастырѣ является и учителемъ и руководителемъ, гдѣ все проникнуто духомъ церковности, такъ любезной нашему народу“ (Открытое письмо духовенства Государственной Думы). Прибавимъ сюда мнѣніе многихъ членовъ Государственнаго Совѣта, выраженное на чрезвычайномъ собраніи Училищнаго Совѣта членомъ Государственнаго Совѣта Вл. К. Саблеромъ, говорившимъ не только о неприемлемости, но и о чудовищной странности со стороны законодательнаго учрежденія посягать на неотъемлемое право Думы.

Все это создало въ насъ, участникамъ собранія, твердое убѣжденіе, что вынавшее церковной школъ тяжкое испытаніе послужитъ не къ ея уничтоженію, а къ ея укрѣпленію, къ реформѣ ея управленія и къ улучшенію ея матеріальнаго положенія.

„Такъ тяжкій млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ“.

5 мая послѣ общаго собранія мы собрались въ Свято-Владимірскую церковно-учительскую школу помолиться на могилѣ К. П. Побѣдоносцева. Владимірская школа—это тотъ идеаль школы, къ которому стремился ея возродитель. Здѣсь народное образованіе достигло своего высшаго завершенія. Сюда собираются наиболѣе даровитыя ученицы начальныхъ церковно-приходскихъ школъ для полученія общаго и спеціально-педагогическаго образованія. И здѣсь ярко отразилась излюбленная мысль К. П. и Е. А. Побѣдоносцевыхъ: школа должна воспитать человѣка-христіанина; прикладная часть школы—подготовка къ учительству не выдвигается навязчиво впередъ, а вытекаетъ сама собою изъ общаго христіанскаго образованія. И посѣтитель видитъ въ школѣ широкое поощреніе талантамъ и ихъ культивировку при строго церковномъ направленіи. Здѣсь мы слушали чудное церковное и свѣтское пѣніе, подъ руководствомъ преданнаго своему дѣлу спеціалиста (П. П. Миронесицкаго); здѣсь широко поставлено не только рисованіе, но и художественная живопись, подъ руководствомъ извѣстнаго академика Новоскольцева; здѣсь достигаются большіе успѣхи въ музыкѣ. Общеобразовательный курсъ учительской школы дополненъ изученіемъ иностранныхъ языковъ и литературъ. Вся школа производитъ впечатлѣніе чего то свѣтло-прозрачнаго, поэтическаго. Это именно „цвѣтъ, верхушка, высшій лоскъ школьнаго дѣла, нѣжная бархатистость на старой культурѣ страны“, которой не увидѣлъ на Руси авторъ приведенной выше статьи „Новаго Времени“. Отдать этотъ цвѣтокъ въ чуждыя руки, подвергнуть эту школу коренной ломкѣ въ направленіи было бы дѣломъ вопіющей несправедливости.

И съ грустью вспомнилъ я печальную исторію отказа нашего духовенства отъ женской церковно-учительской школы.

6 мая. Залъ Училищнаго Совѣта переполненъ. Архипастыри, чины разныхъ вѣдомствъ, члены Государственнаго Совѣта, Государственной Думы, члены Училищнаго Совѣта, Предсѣдатели Епархіальныхъ Училищныхъ Совѣтовъ и Епархіальные Наблюдатели собрались сюда, чтобы отдать дань благодарности и любви инициатору и вдохновителю церковной школы—незабвенному С. А. Рачинскому. Рѣчь о немъ произнесъ редакторъ „Народнаго Образованія“ П. П. Мирносицкій. Это была глубокая по мысли и блестящая по формѣ, художественная рѣчь. Она приковала къ себѣ вниманіе этой избалованной всякими рѣчами публики, она объединила ихъ всѣхъ на святомъ имени великаго подвижника-педагога, въ которомъ не найдутъ ни малѣйшаго пятнышка самые злые враги церковной школы. Я не буду передавать содержанія этой замѣчательной рѣчи, такъ какъ скоро она появится въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ. Но какъ хотѣлось бы, чтобы эта рѣчь была настольною книгой у каждаго учителя церковной школы и чтобы въ каждой школѣ были копіи съ картинъ питомца С. А. Рачинскаго—худ. Богданова-Бѣльскаго, изображившаго великаго народнаго учителя въ школьной обстановкѣ! Одинъ этотъ свѣтлый образъ способенъ окрылить народнаго учителя возвышенными порывами къ беззаветному христіанскому учительству¹⁾. Мы, сидѣвшіе въ залѣ Училищнаго Совѣта, почувствовали себя болѣе сильными отъ воспоминанія объ этомъ образѣ. А гости уходили отсюда не только съ сильнымъ впечатлѣніемъ отъ рѣчи, но и съ сознаниемъ, что у церковной школы есть свои святыя традиціи, ради которыхъ она имѣетъ особое право на существованіе.

¹⁾ Лекторъ пригласилъ насъ потомъ посмотрѣть на экранѣ картины жизни С. А. Рачинскаго и его Татевской школы, а объясненія давалъ одинъ изъ учениковъ Татевской школы С. А., о. Александръ.

Нашъ душевный подъемъ еще болѣе усилился отъ милостивой телеграммы Государя Императора, пожелавшаго съѣхавшимся церковно-школьнымъ дѣятелямъ успѣха въ ихъ работахъ и процвѣтанія церковной школы. Когда Оберъ-Прокуроръ Св. Синода, прочитавши эту телеграмму, воскликнулъ: „Да здравствуетъ Его Императорское Величество Государь Императоръ“, дружное „Многая лѣта“ громко огласило залъ Училищнаго Совѣта.

7—8 мая. Общія собранія Совѣта. Читаются и обсуждаются доклады комиссій и принимаются рѣшенія Совѣта. Ихъ нѣтъ нужды здѣсь излагать, такъ какъ они извѣстны изъ газетъ. Но что дадутъ новаго церковной школѣ эти постановленія, о скорѣйшемъ проведеніи въ жизнь которыхъ общецель позаботится Г. Оберъ-Прокуроръ Св. Синода? Отмѣчу наиболѣе крупное по возможнымъ послѣдствіямъ. 1) Церковная школа должна сохранить свою самобытность и остаться въ вѣдѣніи Св. Синода съ правомъ на развитие при тѣхъ же внѣшнихъ матеріальныхъ условіяхъ, при какихъ существуетъ земская школа. 2) Въ управленіи ею будутъ принимать живое участіе не только лица, назначенныя епископомъ, не только представители разныхъ вѣдомствъ, городовъ и земствъ, но и *избранныя* на сѣздахъ епархіальныхъ и окружныхъ духовныхъ лицъ (3 въ Епархіальномъ Сѣздѣ и по 2 въ каждомъ Отдѣленіи). 3) Къ завѣдыванію матеріальною частью школъ привлекаются миряне, для чего учреждается при каждой школѣ попечительный совѣтъ. 4) Матеріальное содержаніе школы усиливается путемъ взносов съ монастырей и церковей послѣ того, какъ часть существующихъ сборовъ съ нихъ на духовно-учебныя заведенія будетъ отнесена на казенныя средства, — такимъ образомъ народная копѣйка, принесенная въ церковь, непосредственно возвратится къ народу. 5) Для возвышенія глав-

наго предмета церковной школы учреждаются законоучительскіе курсы и школы; а для улучшенія состава учителей—церковно-учительскіи семинаріи въ каждой епархіи. 6) Церковная школа, преслѣдуя свои главныя задачи—церковнаго оглашенія народа, призывается, въ частности, на борьбу съ народнымъ пьянствомъ, съ дѣтскою смертною и съ другими врагами народнаго здравія.

Всѣ эти постановленія продиктованы нуждами переживаемаго момента. И дай Богъ, чтобы они вошли въ жизнь и чтобы церковная школа вышла изъ постигшаго ее испытанія укрѣпленною и обновленною.

Д. Никольскій.

НЕКРОЛОГЪ.

(† Священ. Александръ Васильевичъ Раевскій).

2 марта 1910 года въ три часа утра скончался священникъ слоб. Шапошниковой, Шарковка тоже, Острогожскаго уѣзда о. Александръ Васильевичъ Раевскій.

По окончаніи курса въ духовной семинаріи по 2-му разряду въ 1885 году, онъ поступилъ въ село псаломщикомъ. Черезъ годъ въ 1886 году онъ женился на бѣдной круглой сиротѣ, не имѣвшей у себя ровно ничего. Съ 1888 г. онъ принимаетъ санъ священника. О. Александру пришлось много потрудиться лично, чтобы завестись необходимымъ въ жизни. Въ первые годы своего пастырскаго служенія, нуждаясь самъ во всемъ, о. Александръ не держалъ даже у себя работника. Прихожане всегда видѣли его неустанно и усердно трудящимся и въ полѣ и въ домѣ. Всѣмъ сердцемъ служа на пользу Церкви и общества, о. Александръ самолично самъ сѣялъ, косилъ, молотилъ, возилъ хлѣбъ, сѣно, кирпичъ и прочее, не гнушаясь никакимъ физическимъ тру-

домъ. Чужіе углы и скитанье въ теченіи 8—10 лѣтъ по неудобнымъ сельскимъ квартирамъ, когда сущіи о. Александра въ семьѣ было четверо дѣтей, немало причиняли ему безпокойство и губивали дни его жизни. Но всему безграницно радъ былъ о. Александръ, когда ему удалось послѣ многихъ трудовъ и лишеній чрезъ десять лѣтъ своего священства устроить свой домишко въ слободѣ Айдарѣ Острогожскаго уѣзда. Но не долговременна была радость о. Александра. Осенью взмохель онъ въ свой домокъ а черезъ одну зиму весною, когда о. Александръ еще не успѣлъ застраховать свой домъ, онъ у него сгорѣлъ. Съ потерей дома о. Александръ потерялъ все, что сберегъ для себя упорнымъ трудомъ въ долгіе годы. Наступило опять трудное время для о. Александра. Пошло опять скитанье по квартирамъ, когда въ семьѣ было уже пятеро дѣтей. Въ своемъ тяжеломъ положеніи онъ обратился съ просьбою о помощи къ отцу протоіерю Петру Кудрявцеву, благочинному въ Нижнедѣвичкомъ уѣздѣ, чтобы путемъ пожертвованій отъ духовныхъ того благочинія, въ которомъ онъ родился и въ которомъ знали его духовные еще семинаристомъ, получить хоть какую-нибудь помощь въ своей крайней нуждѣ. Отозвались тогда знавшіе его духовные на его нужду и о. Благочиннымъ Кудрявцевымъ собрано было болѣе ста рублей въ помощь погорѣвшему о. Александру. Обрадованный до слезъ такимъ сочувствіемъ ближнихъ, о. Александръ снова кое-какъ устраиваетъ себѣ домикъ. Къ этому времени трое изъ его дѣтей уже обучались въ школахъ. Для удобства въ обученіи дѣтей въ это же время о. Александръ рѣшается перейти и переходить изъ слоб. Айдаръ, Острогожскаго у., въ слоб. Шапошникову того же уѣзда. Продавъ свой домокъ и недорого купивъ себѣ домикъ на новомъ приходѣ, о. Александръ радовался теперь, что все такъ хорошо устроилось въ его жизни. Шесть-семь лѣтъ прослужилъ о. Алек-

ксандръ въ Шарковѣ. Своимъ скромнымъ и доступнымъ для всѣхъ характеромъ и поведеніемъ и здѣсь, какъ въ Айдарѣ, онъ приобрѣлъ искреннюю и нелицемѣрную любовь у всѣхъ. о. Александръ умѣлъ входить въ положеніе ближняго, сочувственно и сердечно относился всегда къ нуждѣ и лишеніямъ его. Нуждаясь самъ, онъ никогда не отказывалъ въ послѣдней помощи тому, кто обращался къ нему за помощію.

Своимъ трудолюбіемъ онъ удивлялъ всѣхъ прихожанъ. Непрестанно трудясь въ Церквѣ и въ приходѣ, неустанно работая самъ въ своемъ домашнемъ хозяйствѣ, о. Александръ любилъ заниматься съ дѣтьми въ школѣ. Неся труды завѣдующаго въ церковной школѣ, онъ исполнялъ долго законоучителя то въ церковной, то въ земской школахъ, гдѣ любили его и дѣти и учителя за разумныя, кроткія и сердечныя отношенія къ нимъ. Не въ раду прочихъ своихъ братьевъ о. Александръ стоялъ въ своихъ молитвенныхъ трудахъ и подвигахъ. Еще семинаристомъ онъ по часу и болѣе ежедневно утромъ и вечеромъ удѣлялъ времени на молитву къ Богу. Посвятивъ себя пастырскому служенію и находясь всю жизнь въ нуждѣ и трудахъ, о. Александръ въ молитвѣ обильно находилъ себѣ радость, счастье и отдыхъ въ своей жизни. И все это дѣлалось тихо, непоказно, являясь естественною потребностью его душевнаго настроенія.

Знали прихожане Айдарскіе и Шарковскіе о. Александра, какъ рѣдкостнаго духовника-исповѣдника. Остались и хранятся въ семьѣ о. Александра письма отъ нѣсколькихъ прихожанъ, въ которыхъ весьма трогательно и сердечно выражаютъ они благодарность ему за его теплую сердечную исповѣдь, которая спасла ихъ отъ погибельнаго пути.

Въ этихъ письмахъ его духовные дѣти пишутъ, что обильныя слезы ихъ духовника о. Александра во время исповѣди потрясали ихъ окаменѣлыя сердца, вызывали и у нихъ слезы истиннаго раскаянія и обращали ихъ съ пути

погибели на путь трудовъ и подвиговъ для спасенія. Многіе изъ бывшихъ его Айдарскихъ прихожанъ, услышавъ, что заболѣлъ ихъ бывший батюшка о. Александръ, прѣзжали повѣдать его больного, проститься съ нимъ и получить, быть можетъ, послѣднее его благословеніе. О смерти о. Александра искренно сожалѣли всѣ его сослуживцы въ причтѣ. Къ нимъ онъ всегда былъ доброжелателенъ, ласковъ и предупредителенъ. Умеръ о. Александръ еще во цвѣтѣ лѣтъ на 46 году жизни. По опредѣленію врачей онъ умеръ отъ рака печени. Терпѣливо переносилъ о. Александръ свою полуторамѣсячную болѣзнь. Во время болѣзни нѣсколько разъ онъ исповѣдался, приобщался, а за двѣ недѣли до смерти надъ нимъ совершено было и Св. таинство елеосвященія. Не поднимаясь самъ съ постели, о. Александръ просилъ своего товарища-священника о. Іоанна Смирнова передать свое прощеніе, всѣмъ прихожанамъ и чрезъ того же просилъ у прихожанъ себѣ прощенія, если кого чѣмъ обидѣлъ. У о. Александра осталось въ семьѣ жена вдова и шестеро дѣтей, совсѣмъ матеріально не обеспеченныхъ въ жизни. 2 марта о. Александръ умеръ, а 4 состоялось его погребеніе, въ которомъ приняли участіе четыре „священника изъ сосѣднихъ селъ и пятый сослуживецъ умершаго о. І. Смирновъ“. При погребеніи сказано два надгробныхъ поученія, одно священникомъ о. Гавріиломъ Казминымъ и другое священникомъ о. Іоанномъ Петровымъ.

На выносъ и погребеніе собралось весьма много прихожанъ, многіе плакали объ утратѣ дорогого своего батюшки о. Александра.

Погребенъ о. Александръ въ церковной оградѣ.

Вотъ краткія свѣдѣнія о его службѣ. По окончаніи курса въ Семинаріи въ 1885 г., до 1887 г. былъ псаломщикомъ въ селахъ Приваловкѣ и Караичевкѣ Бобровскаго у., въ 1887 г. былъ діакономъ въ с. Дмитріевскомъ Ко-

ротояскаго у., въ 1888 г. священникомъ (въ с. Новосолдатскомъ Керотояскаго у., съ 1890 г. священникомъ въ слоб. Айдаръ Острогжскаго у., съ 1903 года священникомъ въ слоб. Шапошниковой Острогжскаго у., на какомъ мѣстѣ и умеръ. Имѣеть награды набадренникъ и фиолетовую скуфью.

Не задолго до своей смерти о. Александръ просилъ меня обратиться къ товарищамъ по курсу священникамъ и ко всемъ пастырямъ, знавшимъ его, съ просьбою не забыть помянуть его, іерея Александра, въ своихъ молитвахъ предъ престоломъ Божиимъ, въ чемъ и состоитъ главная цѣль сей краткой замѣтки о жизни и смерти умершаго о. Александра Раевского.

Священникъ *Антоній Проскураковъ*.

СОДЕРЖАНІЕ

НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ:

Проконій Николаевичъ Шукинъ. — *Ив. Козлова.*

О крестахъ житейскихъ. — *Александра Ѡаддеева.*

Недѣля въ Петербургѣ. — *П. Никольскаго.*

Некрологъ. († Священникъ Александръ Васильевичъ Раевскій). —
Священника *Антонія Проскуракова.*

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи Прот. *Николай Околовичъ.*